

Дети – диверсанты немецких спецслужб

Святослав КУЛИНОК,
заведующий отделом
Белорусского
государственного архива
научно-технической
документации

В конце 1990-х – начале 2000-х годов широкая общественность впервые узнала подробности еще одного вида бесчеловечной деятельности немецких спецслужб на Востоке в годы Великой Отечественной войны – использования подростков в разведывательно-диверсионной войне против Красной армии и советских партизан. Чаще всего военные историки и любители истории рассказывали о детской школе в германском городке Гемфурте, которая была организована абвером в июле 1943 года. Но таких учреждений было много, в том числе и на территории Беларуси.

После первых публикаций о детях-диверсантах [1] было издано несколько подробных исследований, касающихся школы в Гемфурте [2]. Вскоре она стала «флагманом» данной темы.

В начале 2000-х годов в сборниках документов и в коллективных работах по истории органов государственной безопасности появились новые данные об использовании подростков немецкими спецслужбами [3; 4]. Вместе с историей о Гемфуртской школе эти документы составили определенный «багаж» знаний по теме использования подростков, который продолжают эксплуатировать исследователи, отмечая при этом «новизну» и «уникальность» темы.

Справедливости ради следует отметить, что отдельные сведения об использовании подростков в качестве разведчиков можно было встретить еще в советских исследованиях. Так, историк С. Остряков в 1979 году в монографии «Военные чекисты» указывал: «Гитлеровские изверги насильно брали из

детдомов на оккупированной территории подростков 12–15 лет, увозили в Германию и обучали в детских диверсионных школах, а затем под видом бездомных, разыскивающих своих родителей, перебрасывали на самолетах в тыл Красной армии или оставляли в освобождаемых нашими войсками районах...» [5, с. 180–181].

Вместе с тем нельзя не сказать, что за последнее десятилетие этот массив сведений почти не пополнился: повторяются одни и те же опубликованные документы, а в научный оборот практически не вводятся новые данные. Тема забуксовала. Имеющихся материалов достаточно для написания небольших статей и разделов, а подробного самостоятельного исследования, которое бы представило большой объем новых фактов, пока не проведено.

Сразу отметим, что школа в Гемфурте была далеко не первой, где готовились подростки-диверсанты и уж тем более не самой крупной. Поистине «конвейер» привлечения детей к разведывательно-диверсионной работе в годы Великой Отечественной войны развернули немецкие спецслужбы на территории оккупированной Беларуси. И здесь возникает закономерный вопрос: почему отечественные профессиональные историки за такой продолжительный период времени не касались этой темы? Ведь у нас достаточно специалистов по оккупационному режиму, партизанской разведке и контрразведке, истории разведки и органов госбезопасности. В качестве примера возьмем работу Э. Иоффе «Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая

ОБ АВТОРЕ

КУЛИНОК Святослав Валентинович.

Родился в 1984 году в Минске. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (2007), магистратуру при историческом факультете БГУ (2008), аспирантуру Белорусского научно-исследовательского института документации и архивного дела (2012).

С 2007 года – ведущий архивист, ведущий научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего отделом Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства. С 2009 года – исполняющий обязанности заведующего, заведующий отделом Белорусского государственного архива научно-технической документации.

Автор 35 научных статей и публикаций.

Сфера научных интересов: история Великой Отечественной войны.

полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг.», в которой упоминаются отдельные сюжеты из существующего «багажа» данных по этой проблеме. Автор пишет: «... Помимо Гемфуртской школы существовал ряд аналогичных школ и курсов по подготовке малолетних разведчиков и диверсантов. Бобруйская спецшкола разведчиков широкого профиля. В Орше обучали подрывников-диверсантов» [6, с. 128]. В работе В. Надтачаева «Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы...» есть раздел «Дети войны», где основная часть материала посвящена Гемфуртской школе [7, с. 199–200], хотя были же «белорусские Гемфурты».

Пролить свет на вот эту трагическую и неизвестную страницу истории хотелось бы в первую очередь!

Еще в 1939 году нацисты решили поставить под контроль русскую эмигрантскую молодежь. При бюро В.В. Бискупского была создана Национальная организация русской молодежи (НОРМ) [8, с. 239–240]. Эта была военизированная структура, члены которой тесно сотрудничали с СД, гестапо.

После начала операции «Барбаросса» немецкие спецслужбы приступили к вербовке и подготовке подростков-агентов из числа местных жителей. Политику по использованию детей в качестве шпионов на территории Беларуси оккупанты постоянно меняли, исходя из ситуации на фронте и в тылу, а также в зависимости от ставившихся целей и задач.

Можно выделить главную особенность в работе немецких спецслужб на территории Беларуси на протяжении всего периода оккупации: это подготовка агентов не для засылки в тыл Советского Союза или частей Красной армии, а для ведения разведывательно-диверсионной работы против партизанских соединений.

Первые сведения об использовании детей в качестве агентов относятся к концу июля – началу августа 1941 года. Сначала (лето 1941 – начало 1942 года) подростки привлекались для простейших разведывательных заданий в прифронтовой полосе, а также в качестве сигнальщиков для немецкой авиации. В первую очередь для работы использовались дети с уголовным прошлым, хулиганы, члены семей, пострадавших от советской власти, сироты и детдомовцы.

▲ Школа диверсантов в Гемфурте. Русский мальчик среди немецких солдат

Вербовка обычно происходила с применением различных средств и способов воздействия. Как психологический фактор использовались тяга подростков к приключениям, путешествиям, к подражанию военным, желание иметь оружие, испытать чувство опасности... Применялись и более традиционные способы вербовки, такие как запугивание, взятие семьи в заложники, подкуп, угроза уничтожения членов семьи. Дети, как никто другой, оказывались в этом смысле весьма уязвимы, поскольку они наивны и впечатлительны. С одной стороны, запугиваниями детей часто принуждали к послушанию, с другой – они были вынуждены бороться за свою жизнь и жизни близких.

1 февраля 1942 года 2-й отдел Разведывательного управления Генерального штаба РККА подготовил «Материалы по агентурной обстановке на территории СССР, временно оккупированной немцами», в 6-й главе которых указывалось, что «немцы продолжают массовую засылку своих агентов на нашу территорию... Это особенно относится к нашим подросткам... Немцы широко вербуют наших подростков для целей разведки, причем, как правило, ведут эту работу от имени нашего «командного состава», одетых в форму РККА, зная, что советские подростки все сделают для своей Красной Армии. В этом отношении характерен пример с недавно раскрытой в г. Т. крупной шпионской организацией немцев, почти полностью состоящей из наших

подростков в возрасте 13–16 лет. Возглавлял всю эту группу немецкий шпион, который встречался с ребятами всегда в форме майора Красной Армии, и его помощник в форме лейтенанта. Ребята под предлогом помощи Красной Армии собирали данные по аэродромам, расположению наших частей и штабов, расположению артиллерии и т.п.» [9, л. 93–95].

Применялись и другие способы вербовки, обмана и провокации, достаточно часто это преподносилось как помощь Красной армии. Так, в одной из деревень, «которая находилась между нашей и немецкой линией обороны, являлись два человека в форме майоров Красной Армии. Они собрали ребятшек этого села и заявили им следующее: командиры Красной Армии ищут свои части, но найти их не можем. Поэтому вот вам ракеты и ракетницы, идите вперед и как только отыщете артиллерию, стреляйте зеленой ракетой, как только много войск – красной, а если склад – то сразу две. На одном из участков нашего фронта были задержаны трое наших советских ребятшек, которые успели выпустить по пять ракет...» [9, л. 93–95]. Так работали сигнальщики, наводя немецкую артиллерию и авиацию на скопление советских войск.

Первые разведывательно-диверсионные школы на территории Беларуси были открыты в 1941 году: в августе – Борисовская [6, с. 121], в декабре – Минская [10, с. 141–142], однако сведений о том, что в этот период там готовились агенты-подростки, нет.

С февраля 1942 года начался новый этап в деятельности немецких разведывательных органов. К этому времени на оккупированной территории СССР уже действовали детские спецшколы и курсы в городах Мценск, Белгород, Славянск, в поселках Райгородок (Сталинская, ныне Донецкая область) и Протопопово (Харьковская область). В течение 7–15 дней дети и подростки в этих школах обучались незаметному проникновению в расположение частей Красной армии, выяснению количества военных и родов войск, названий и нумераций частей, фамилий командиров, расположения артиллерии, танков, складов с боеприпасами и горючим [3, с. 142].

Первые сведения о деятельности на оккупированной территории Беларуси специальных школ (курсов), где проходили обучение подростки, относятся к маю

1942 года. В обзоре Главного управления пограничных войск (ГУПВ) НКВД СССР «О методах работы германской разведки в войсковом тылу действующей Красной Армии» от 19 мая 1942 года указывалось, что в Бобруйске создана «спецшкола гестапо по подготовке разведчиков-подростков в возрасте от 15 до 18 лет» [11, с. 49].

Какие причины заставили немецкие разведывательные и контрразведывательные органы использовать несовершеннолетних на такой опасной и жестокой «работе»? Первое – это нацеленность на результат, желание получить его всеми возможными средствами. Никаких «честных правил», как теперь говорят «fair play», в войне, которая велась на уничтожение, попросту не могло быть. Главное – выполнение поставленной задачи, а значит, все средства хороши. Второй причиной, которую называет историк О. Романько, можно считать то, что «немецкие службы стремились сделать молодежь лояльной к «новому порядку», привлечь их на свою сторону и использовать их по максимуму, в том числе и в военных целях» [12, с. 282]. В третьих, для агента-подростка гораздо легче было составить легенду, чтобы он мог, не вызывая особых подозрений, внедряться в партизанские отряды, попадать на объекты и предприятия. Ребенок сам по себе вызывает жалость и сострадание, особенно, если он сирота. Агенты попадали в соединения под видом ищущих спасения от отправки в Германию, убежавших с принудительных работ, чудом избежавших карательных операций.

Со второй половины 1942 года в разведдокументах партизан начинают систематически появляться данные об использовании подростков в качестве разведчиков и диверсантов. В оперсводке № 16 Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б от 4 сентября 1942 года отмечалось, что «немцы усиленно засылают в партизанские отряды детей в возрасте от 8 до 16 лет с заданием шпионского характера» [13, л. 70]. В ноябре 1942 года старший лейтенант одного из партизанских отрядов Морщинин сообщал, что «гестапо ведет агентурную разведку против партизан, вербуя для этого детей и старух...» [14, л. 98]. 12 ноября 1942 года командир партизанской бригады С.А. Мазур указывал на немецкие провокационные методы работы против партизан. В частности, он отметил, что «немцы хотели уточнить, где дислоци-

руются партизанские отряды в Кличевском районе. Они пустили человек 30 мальчишек 14–16 лет с задачей влиться в отряд, узнать, кто командует...» [15, л. 67].

Важно отметить тот факт, что данная деятельность немцев получила поддержку на самом высоком уровне. Это была не просто инициатива местных разведорганов, а фактически – указания «сверху». В сентябре 1942 года в своем докладе «Борьба с бандами» Г. Гиммлер советовал: «... В качестве шпионов целесообразно применять... надежных жителей... девушек и женщин, также стариков и детей» [16, л. 2]. В рекомендациях для немецких солдат «Тактика борьбы с партизанами» в разделе «Разведка» утверждалось: «при этом важно разведчикам, работающим среди населения, использовать по возможности женщин и детей младшего возраста 7–10 лет. Практика показала, что дети такого возраста при умелом подходе к ним могут быть очень полезны» [17, л. 278].

К концу 1942 года (еще до создания школы в Гемфурте) на оккупированной территории Беларуси уже действовало шесть школ и курсов (в Бобруйске, Борисове, Городке, Минске, Могилеве, Шумилино), где готовили агентов-подростков. Существовали и детские школы, и школы смешанного состава. Как сообщал 12 ноября 1942 года комбриг С.А. Мазур, «для шпионов есть школы... в Минске, где специально малышей готовят. Один раз выпустили 32 человека. Затем такое же количество набрали. Общее количество человек в школе – 45 от 12 до 16 лет» [15, л. 69].

28 ноября 1942 года командир спецотряда Г. Архипец отмечал, что «в Борисове и Могилеве есть спецшколы, где обучают подростков шпионской работе и с этой целью рассылают по отрядам, чтобы они могли установить и передать, сколько в отряде человек, кто командир и др. ...В отряде Дерюги была шпионка – девочка лет 14, которая, до расстрела ее, рассказала, что она была в Борисовской разведшколе. Она должна была узнать о количестве людей в отряде» [15, л. 151]. В политдонесении по бригаде Короткина за декабрь 1942 года сообщалось: «агентурной разведкой установлено, что в г. Городке специально из числа малолетних создана школа шпионов численностью 25 человек, которой руководит некто Стрелецкий... Причем эта школа вторая.

▲ Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер разговаривает с мальчиком из местных жителей во время инспекционной поездки по территории Беларуси

Первая была организована в Шумилино, в 40 человек, из которой 2 мальчика были пойманы в расположении штаба бригады» [18, л. 110 об.]. Отметим, что мы указываем дату, когда упоминается та или иная школа, а не дату ее открытия. Предположительно, школы начали работать даже несколько раньше указанных сроков.

Второй период деятельности немецких спецслужб по подготовке несовершеннолетних агентов (февраль 1942 – осень 1943 года) имеет ряд своих особенностей. Во-первых, действия немецких разведслужб по работе с детьми и подростками становятся более систематичными. Подтверждением их масштабов являются показания разоблаченного немецкого агента Городовца, сообщившего, что «в Минске работает шпионская школа, где обучается до тысячи человек молодежи от 15 до 19 лет. Срок обучения 2 месяца» [19, л. 49]. Какой там Гемфурт, где одновременно обучались всего 25–75 человек [20, с. 348].

Во-вторых, происходит усложнение заданий, которые должны были выполнять агенты. Если на первом этапе они в основном использовались для разведки переднего края и в качестве сигнальщиков, то теперь им давались задания по проникновению в партизанские соединения для ведения подробной разведки и даже совершения террористических актов против командного состава. В апреле 1943 года в одной из сводок представительства Белорусского

штаба партизанского движения (БШПД) на Калининском фронте указывалось, что «в последнее время отмечены факты засылки противником в районы действий партизан детей местного населения в возрасте 8–15 лет, подготовленных к производству террористических актов против партизан. 7 апреля 1943 года партизанской бригадой Бирюлина пойман 8-летний мальчик с пистолетом и ОВ в порошке, имевший задачу: убийство и отравление комсостава. Из немецкого гарнизона Заполье Суражского района направлено в Суражскую зону 4 группы малолетних диверсантов по 2–3 человека в каждой группе» [21, л. 201]. Агентам-подросткам Шумилинской школы ставилась задача в районе Витебска, Полоцка и Орши «собирать разведанные о расположении партизанских отрядов, производить теракты против командного состава» [18, л. 59]. Выпускникам Минской школы давались задания «отравления колодцев и уточнения дислокации отрядов» [19, л. 49].

Третьей особенностью данного периода было расширение контингента вербуемых. К ранее указанным категориям (уголовники, беспризорники, сироты) добавились дети из семей изменников и предателей Родины. В разведсводке БШПД № 3 от 19 января 1943 года указывалось, что «для разведки партизанских отрядов в лесах в м. Сенно гестапо были организованы курсы разведчиков, на которых было до 140 человек, в основном жены полицейских, их дети до 14 лет, беспризорные и детдомовцы» [22, л. 13]. Имели место факты вербовки в агенты комсомольцев. Так, в школе, которая размещалась в Ст. Борисове, проходило обучение «до 150 человек, большинство бывшие дети-комсомольцы» [16, л. 65].

Все больше стали привлекаться к разведывательно-диверсионной работе воспитанники детдомов. В апреле 1943 года из «Могилева было направлено 25 воспитанников детских домов с задачей разведки партизан. Такая агентура легендируется невыносимыми условиями жизни в детдомах» [22, л. 89].

Вот как описывает инспектор по детским домам Минского района И. Коньков положение в детдоме в Дроздах: «Одеждой, бельем дети практически не были обеспечены... физическое состояние детей настолько замученное от голода и холода, что

проводить какую-либо настоящую работу с ними нельзя... Одежда и обувь детей порваны, скреплены проволокой, без пуговиц...» [23, с. 23]. В своих воспоминаниях Н. Куманьева – воспитанница Червенского детдома – так ссылается на свой опыт выживания: «Дети перешли на голодный немецкий паек... Для приготовления завтрака на котел емкостью 12 ведер воды выдавали 3 кг самой плохой овсяной или ячневой с остюками муки. Размешивая в воде, получали скользкую баланду. Мы ее на завтрак и пили без хлеба. На обед – также 3 кг муки, 1 ведро картошки и 40 грамм хлеба из желудевой муки. На ужин – 3 кг муки, по 2 черпака баланды. Этот паек был рассчитан на более чем 200 детей... Тарелок и ложек у нас не было... Одежду в детдом с начала войны не получали. Она изнашивалась, и мы остались раздетые и босые» [23, с. 25–26]. Очевидно, что в таких условиях немцам открывались хорошие возможности для вербовки через обещание хорошего питания, теплой одежды, материального вознаграждения и интересного дела...

Органы партизанской разведки и контрразведки оперативно реагировали на возможную угрозу. В разведывательных документах БШПД за этот период можно обнаружить более 30 сообщений о деятельности агентов-подростков против партизан. Например, в инструкции «О правах и обязанностях оперуполномоченного особого отдела при партизанском отряде» указывалось, что «за последнее время немецкое гестапо усиленно засылает в партизанские отряды и зоны своих агентов под видом бежавших добровольцев, военнопленных, полицейских, женщин с грудными детьми, девушек и детей под разной инсценировкой» [24, л. 26].

На заключительном этапе освобождения (осень 1943 – июль 1944 года) под натиском наступающих советских войск начинается повсеместное перемещение разведывательных и секретных органов и школ с освобождаемых территорий РСФСР и Украины на восток (в т.ч. и на территорию БССР). Руководящие органы партизанского движения своевременно отреагировали на такое перемещение и оперативно информировали соединения «народных мстителей». 31 октября 1943 года в БШПД пришла ориентировка, в которой указывалось, что «из освобожденных Красной Армией райо-

нов Орши, Брянска, Смоленска, Рославля, Унечи и др. немцы школы гестапо передислоцируют в районы Белоруссии. Дайте задание установить их местонахождение и перегруппировку» [19, л. 4–5].

Обучение юных диверсантов становится практически «поточным». Упор делается не на качество их подготовки, а на количество. К лету 1944 года на территории Беларуси стали дополнительно действовать школы (курсы) по подготовке агентов-подростков в Бресте и Барановичах. В Бресте по улице 17-го Сентября «располагалась шпионская школа для несовершеннолетних 1927–1929 годов рождения. Срок обучения в ней составлял 3 месяца. Курсантам полагался оклад за время обучения в 1600 марок» [25, л. 630–631].

В марте 1944 года был разоблачен немецкий агент П. Потоцкий, который показал, что в марте же окончил школу шпионов в Барановичах. Вместе с ним обучалось еще 8 подростков. Во время учебы «немецкие разведорганы от каждого агента берут подписку, в которой указывается, что в случае нарушения или невыполнения задания вся семья расстреливается, хозяйство уничтожается» [26, л. 417].

Подводя итог, можно констатировать, что в оккупированной Беларуси немецкие спецслужбы развернули довольно масштабную деятельность по вербовке и подготовке разведчиков-диверсантов из числа несовершеннолетних детей. Эта работа постоянно видоизменялась, однако главная ее особенность оставалась неизменной: деятельность детей-агентов была направлена против партизан. Немецкими разведорганами на территории Беларуси было создано минимум десять школ и курсов, на которых обучались будущие несовершеннолетние разведчики и диверсанты. Эти заведения размещались в Барановичах, Бобруйске, Борисове, Бресте, Городке, Минске, Могилеве, Сенно, Орше и Шумилино. На сегодняшний день не удалось установить, сколько подростков прошло подготовку в них, так как недостаточно данных для точных выводов. Однако можно полагать, что число это весьма значительно и по приблизительным подсчетам может составлять от тысячи до нескольких тысяч детей.

Нельзя оставить в стороне еще два важных момента: итоги таких усилий и судьбы

▲ Немецкий солдат с детьми в оккупированной советской деревне

подростков-агентов. Результаты деятельности детей-диверсантов были весьма незначительными. Имели место отдельные успешные диверсии и теракты местного значения. В фильме режиссера Евгения Румянцева «Дети-диверсанты» (2007) фигурирует уголовное дело Якубова Анатолия Александровича, 1928 года рождения. Он был признан виновным в том, что, «находясь в Минском детдоме № 5 во время оккупации Минска немцами, в августе 1943 года немецкой разведкой был завербован и направлен на учебу в разведывательно-диверсионную школу, которую окончил в 1944 году...

Осенью 1943 года в составе отряда измеников Якубов, вооруженный винтовкой, выехал в одну из деревень Минской области на борьбу с партизанами. Якубов находился в лесу в засаде. Во время этой операции было задержано 12 человек советских граждан, которые участниками операции были расстреляны за связь с партизанами.

По окончании разведывательно-диверсионной школы Якубов выполнял задания по подрыву полотна железной дороги на советской территории, а именно: в июле 1944 года Якубов в районе ст. Молодечно был выброшен разведкой из самолета на парашюте, имел при себе взрывчатые вещества и вблизи ст. Молодечно совершил взрыв железнодорожного полотна.

В августе 1944 года Якубов был снова выброшен из самолета на парашюте. Взор-

вал рельсы у ст. Пуховичи. Поджог склад с сеном на ст. Осиповичи».

27 февраля 1948 года Якубов был осужден Военным трибуналом войск МВД Орловской области и приговорен к 25 годам лишения свободы.

Тем не менее следует признать, что случаи успеха диверсионной деятельности завербованных подростков были единичными и глобального результата эта работа не дала. Надежды, которые немецкие

спецслужбы возлагали на детей-агентов, не оправдались.

А вот судьбы разоблаченных агентов были трагичны. Если подростка задерживали в тылу Советского Союза или Красной армии, то у него появлялся шанс выжить. Достаточно часто дети-диверсанты добровольно сдавались органам госбезопасности и активно шли на сотрудничество или же просто не успевали совершить крупных терактов. В этих случаях им, как правило, сохраняли жизнь. Часть отправляли в детские исправительно-трудовые лагеря до совершеннолетия, другим давали сроки от 10 до 25 лет. Тех агентов, которые совершили серьезные преступления (убийства, диверсии), могли и расстрелять.

Гораздо меньше шансов выжить было у юных диверсантов, разоблаченных в партизанских соединениях. Как правило, после допроса и получения необходимых сведений их расстреливали. Необходимо учитывать то, что возможность безопасного содержания агента в партизанских частях отсутствовала. Пленного необходимо было кормить и охранять. Кроме того, командир соединения нес ответственность не только за жизни бойцов-партизан, но и за гражданское население, которое нередко находилось в расположении отряда народных мстителей. В этой ситуации присутствие в отряде диверсанта-террориста было весьма рискованным.

Угроза, которая могла исходить от несовершеннолетнего, нередко приводила к тому, что руководители партизанских соединений отдавали приказ расстрелять подростка по одному лишь подозрению без проведения следственных действий. Так, в свидетельских показаниях З. Юдиной, данных против замкомандира по разведке 4-й Белорусской партизанской бригады Н. Шураева, указывалось, что последний «лично расстрелял детей, которых он заподозрил как немецких агентов, засланных в партизанскую зону. Осенью 1942 года Шураевым была расстреляна Федорова Елена, комсомолка – молодая девушка, связанная с партизанами...» [27, л. 31]. С другой стороны, имели место случаи, когда разоблаченным агентам-подросткам сохраняли жизнь и отпускали домой. Тем не менее, по данным автора, порядка 90 % разоблаченных партизанами детей-агентов были расстреляны. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Чув, С.Г. Разведывательные и диверсионные школы абвера / С.Г. Чув // Военно-исторический архив. – 2002. – № 9. – С. 94–124.
2. Губернаторов, Н.В. Особая команда «Гемфурт» / Н.В. Губернаторов // Скрытые лики войны: документы, воспоминания, дневники. – М.: Воениздат, 2003. – 444 с.
3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов: в 8 т. – Т. 3, кн. 1: Крушение «Блицкрига»: 1 января – 30 июня 1942 г. – М.: Русь, 2003. – 691 с.
4. «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. – М.: Изд-во Главархива Москвы, 2003. – 343 с.
5. Остряков, С.З. Военные чекисты / С.З. Остряков. – М.: Воениздат, 1979. – 320 с.
6. Иоффе, Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 / Э.Г. Иоффе. – Минск: Харвест, 2007. – 384 с.
7. Надтачаев, В.Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В.Н. Надтачаев. – Минск: Кавалер, 2008. – 416 с.
8. Жуков, Д. Русские эсэсовцы / Д. Жуков, И. Ковтун. – М.: Вече, 2010. – 464 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1329.
10. Кулинок, С.В. К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ в Минске в годы Великой Отечественной войны / С.В. Кулинок // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі, Мінск, 11 крас. 2014 г. Вып 13: у 2 т. / рэдкал.: А.А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2015. – Т. 1. – С. 141–148.
11. Белик, И.К. «Немецкая разведка является довольно сильным противником»: О методах работы германской разведки в войсковом тылу действующей Красной Армии / И.К. Белик, Е.В. Шумилова // Исторический архив. – 2000. – № 5. – С. 27–63.
12. Романько, О. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945 / О. Романько. – М.: Центрполиграф, 2013. – 479 с.
13. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 3. – Д. 20.
14. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1297.
15. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1300.
16. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1298.
17. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 888.
18. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 887.
19. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 56.
20. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. – Симферополь: Н. Оріанда, 2011. – 656 с.
21. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 5.
22. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 4.
23. Жукова, М.И. Война причиняет мне боль / М.И. Жукова / Под ред. К.И. Козака. – Минск: Издатель И.П. Логвинов, 2010. – 212 с.
24. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1308.
25. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 60.
26. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 57.
27. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 22.